

Зинаида
Лонгортова

ЛЮБОВЬ ЮХУРА

Зинаида Лонгортова
Любовь Юхура

Издательство «Четыре»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6

Лонгортова З. В.

Любовь Юхура / З. В. Лонгортова — Издательство «Четыре»,
2026

ISBN 978-5-908132-00-8

Книга повествует о любви, о важном месте семейных ценностей в культуре народа ханты. Основной сюжет охватывает события 40–50-х годов, включая Великую Отечественную войну. Сложности человеческих отношений не всегда сопутствуют созданию семьи, потому юноше и девушке приходится самим искать пути своей судьбы. Испытания не останавливают молодую пару: разрывая узы национального менталитета, Юхур и его избранница смело строят свою жизнь.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-908132-00-8

© Лонгортова З. В., 2026
© Издательство «Четыре», 2026

Содержание

На родной земле	7
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	23
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Зинаида Лонгортова

Любовь Юхура

*Посвящаю Анастасии Николаевне – моей терпеливой, доброй,
любимой свекрови!*

© З. Лонгортова, текст, 2026

© Издательство «Четыре», 2026

Страницы блока изготовлены с помощью ресурса [freepik.com](https://www.freepik.com).

Обложка изготовлена с помощью нейросети ChatGPT.

В макете использованы гарнитуры Linux Libertine, LuxesTenebris.

На родной земле

В полном разгаре страда деревенская...
Н. А. Некрасов

Эта строка приходит на ум после прочтения первых страниц книги Зинаиды Лонгортовой. И хотя сам роман «Любовь Юхура» о хантах, а классик пишет о русской доле, мы-то знаем – труд, он интернационален, как и любовь, как испытания, как защита своей родины – и большой, и малой.

Что мы знаем о хантах? Что это где-то на Севере, что есть город Ханты-Мансийск? Но заинтересованный читатель легко отыщет нужную информацию: ханты – это коренной малочисленный финно-угорский народ, проживающий на севере Западной Сибири. С древних времён ханты занимаются рыболовством и охотой. Их богатый край идеально подходит для этого.

В последние десятилетия множество достижений – и в науке, и в искусстве, в том числе и в литературе – происходит, что называется, на стыке дисциплин, жанров и направлений.

Вот и здесь читатель задаётся вопросом: «Что это? Беллетристика, этнографический труд, исторический роман, семейная сага?»

С самого начала автор прописывает основной пока конфликт – семейный (мать – отец, младшая сестра Посланнэ – старшая Лиза: «С рыбалки вернулся отец, хмуро взглянул на домочадцев и молча вошёл в дом, оставив за собой запах рыбы и речного ветра. Присутствие Микунки будто на мгновение заморозило всё – и даже девичий смех, доносившийся со двора, на секунду стих»). И если различие между сёстрами приведено исподволь, чтобы раскрыть черты характера главной героини, то суровый нрав отца ещё проявит себя, едва не став преградой на пути к счастью дочери.

На празднике рыбаков Посланнэ знакомится с юношей по имени Юхур. Тут и возникает любовь. Любовь Посланнэ, любовь Юхура. Причём их чувства не только друг к другу – это любовь и к родителям и детям, и к родной земле – к лесу и реке, зверю и птице... К народным верованиям и традициям.

А традиции – они и у народа, они же признак хорошей литературы. Такую прозу писал Василий Шукшин, в подобной манере творили писатели-деревенщики второй половины прошлого века. А здесь, в романе, всё ещё и помножено, замешено на неповторимом национальном колорите. Читатель всегда отдаёт должное, когда автор, как говорится, «в теме», знает, о чём пишет. Отсюда и слог – зрелый, уверенный, степенный. Здесь и описание быта, и тяжёлого труда (а именно трудолюбие вызывает у окружающих наибольшее уважение: «Говорят, хоть и молоденькая, а очень работающая. Не мать ей шьёт наряды – сама всё успевает: и по дому хлопочет, и вышивает»), и народных праздников с обрядами, песнями, молитвами – то есть жизни как она есть, со всех её сторон.

А прожить эту самую жизнь надо так, «чтобы и через годы люди вспоминали тебя».

Душой, ментально автор присутствует там, на Севере, не потеряв связей ни с суровой природой, ни с людьми, что живут и трудятся на родной земле, с теми, кто умеет, невзирая на все испытания, отстоять свои представления о жизни, отыскать свой кусочек счастья.

Юрий Иванов, редактор, рецензент, критик

Глава 1

Посланнэ

Посланнэ – любимица в семье. Она ещё только выходит из отроческого возраста, но уже слывёт главной помощницей.

Быстроногая, стремительная девочка успевает заботиться обо всех в доме. Руки её никогда не отдыхают, она занимается хозяйством с удовольствием, будто даже играючи. Круглолицая, с немного вздёрнутой верхней губой и светлыми глазами, в которых всегда таится улыбка, Посланнэ во всём помогает матери, стараясь взять на себя побольше хлопот. Оттого и научилась работать рано – руки, словно крылья птицы, всё время двигаются в танце.

К её матери Тэкими, которую когда-то засватали в состоятельную семью, в доме отнормались будто к работнице. Эта болезненная женщина никак не успевала переделать всё, что лежало на её хрупких плечах. Муж – всегда строгий, не улыбочивый – требовал порядка. Коровы, табун лошадей для ямщины – всё на худенькой, слабой Тэкими. Между хозяйством и летними сенокосами надо обшить, одеть всю семью.

Может, мать Посланнэ и справилась бы со всеми делами, если бы муж уважал, любил её. Но хмурый супруг словно не замечал Тэкими, даже когда она придвигала низенький обеденный столик к его ногам.

А несчастная женщина расстраивалась, что на плечи её ребёнка легли бесконечные хлопоты. Сама она не могла успеть столько, сколько делала за день дочь. Весёлая Посланнэ, точно пушинка, взлетала с места и бежала доить коров, а потом находила себе другую работу.

– Доченька, не берись за всё, – поднимая от кучи рыбы лицо с десятками мелких морщинок, беспокоилась Тэкими. – Я справлюсь, иди лучше отдохни.

Вот только Посланнэ уже схватила берестяные туеса и вприпрыжку побежала за водой.

– Мама, мне нетрудно, я не умею отдыхать! – уже слышен у реки её смеющийся голос.

А потом, с полными туесами, легко поднялась на горку и поставила воду на полку у дома. Тэкими лишь успела проводить её взглядом, а дочка уже снова тут как тут – прибежала помочь выпотрошить рыбу.

Рыбы было много: отец и старший брат каждый день привозят с рыбалки жирного язя. Первая летняя рыба, её надо заготовить впрок для варки. Руки юной девушки мелькали вместе с серебром чешуи, лишь солнечные лучи цеплялись за брызги, взлетающие во все стороны. Посланнэ моментально очистила и прикрыла почищенную рыбу свежей травой, чтобы горячие лучи солнца не подпортили улов.

А вот и два муксуна – они на няххул¹. Уже пошла вонзевая рыба². Быстро прибрав горку улова, Посланнэ так же молниеносно разделала её на шумах³. Руки ловко и быстро готовили блюдо.

Разрезав и нашинковав рыбу, она взяла и свой, и уже готовый шумак матери, быстро развесила у уличной печки. Старшая сестра Лиза, с рождения горбатая, сидела рядом и неотрывно смотрела, как резво носится туда-обратно сестрёнка. Видела, как много ещё рыбы надо переработать, однако не поднималась с мягкой травки.

Рыбы остатки, включая внутренности, Посланнэ собрала в большой чугунный котёл и поставила на печь вытапливать жир. Набрала воду в чайник, подвесила рядом. Сама уже суетилась с дровами, разжигая огонь.

¹ Свежевыловленная рыба, которую едят сырой, нарезав тонкими ломтиками.

² Мелкая живая рыба сиговых пород, которая поднимается с Обской губы против течения на нерест, обычно с середины июня.

³ Сушёная рыба.

Мать собирала вместе с травой чешую, чтобы не налетели вездесущие мухи. Девушка подала ей большую деревянную лоханку. Тэкими сложила оставшееся и прибрала место их работы, а Посланнэ, легко подхватив посудину, быстрым шагом пошла к опушке леса.

Вывалив содержимое лоханки, она вытерла дно посуды душистой травой и, напевая что-то себе под нос, не спеша возвращалась к дому.

«Через месяц морошка на болотах поспеет, – вспомнила девушка. – Надо новые туески шить для сбора ягоды, а то потом некогда будет. Скоро муксун пойдёт, уже не до рукоделия...»

Прислонив лоханку в угол лабаза, Посланнэ побежала к подружке.

– Марпанэ! Ты занята? – спросила девушка, увидев её возле избы в тени, с лисьей шкуркой в руке, которую подруга мяла, размягчая для рукоделия.

– Нет! Я уже всё переделала по дому, сижу вот. Мама наказала шкурку выделать. Приезжали русские, несколько шкурок привезли, обещали хорошо заплатить. А ты что хотела?

– Морошка скоро поспеет. У тебя есть уже готовый туесок?

– Нет, я в своих воду носила. Они совсем никудышные – начали воду пропускать. У тебя есть новый?

– И у меня нет. Мама варку свежую в йинал⁴ заложила. Мы уже несколько туесов в яму поставили с готовой варкой.

– Тогда давай новые шить! – обрадовалась Марпанэ. – Лисью шкурку я после помну. – Сейчас в траву заверну и в прохладные сени положу, она даже высохнуть не успеет.

Подружки вместе побежали к дому Посланнэ, чтобы шить берестяные набирушки.

– В новый йинал и морошки больше соберёшь! – на бегу рассуждали они.

Выпив чаю, полакомившись первым муксуном и быстро убрав столик, девушки дружно пошли в чумик для дров, достали заготовленную весной бересту. Каждая взяла подходящий для себя рулон, и одновременно принялись за дело. Рукодельный ножичек мелькал в их руках с непостижимой быстротой, раскраивая пластины берёзовой коры.

И вот уже замелькали иглы – подружки прихватывали детали оленьими жилами, стараясь, чтобы швы были ровными.

Горбатая сестра Посланнэ прошла мимо, с любопытством взглянув в сторону подруг. Погуляв по двору, села недалеко от юх хотя⁵, взгляд её сверлил работающие руки.

– Иди к нам, Лиза! Помоги мастерить туески!

– Сами мастерите! Что пристали ко мне? – отвернулась девушка.

Горб на спине никак не мешал ей работать, однако она не желала ничего делать. Целыми днями бродила по двору и с безразличием наблюдала, как другие хлопочут по хозяйству. Устав смотреть, ложилась спать.

Мать не заставляла Лизу трудиться по дому – возможно, боялась потревожить или жалела. А Посланнэ иногда просила помочь ей – вдруг старшая сестра улыбнётся, и они, весело смеясь, что-нибудь сделают вместе. Но Лиза была безучастна. Она даже рук не поднимала с колен.

Вскоре готовые туески ровненько стояли рядышком, как два солнышка.

– Ты всегда так быстро шьёшь, не могу догнать тебя! – в восхищении покачивала головой Марпанэ, любуясь работой подруги.

– И не догонишь – у меня руки такие, они сами торопятся. Как бы я ни медлила, они уже всё без меня сделают.

– Оставим туески неукрашенными или сделаем узоры?

– Время есть, давай украсим. Они хоть и красивые, ровные получились, но пусть у нас будут лучшими среди ягодниц!

⁴ Короб из бересты для хранения продуктов.

⁵ Деревянный дом хантов на одну семью.

Посланнэ тут же вскочила и побежала за водой. Вскоре принесла и подала полную миску подружке, во второй руке держала миску для себя.

– Хочу нарисовать узор в виде берёзовой веточки, который увидела весной у тётки из Теги, что гостила у нас в доме, когда нашу подружку сватали. Я его сразу заметила и решила перенять.

Девушка нарисовала кончиком ножа орнамент, а Марпанэ, глядя на ветвистую дорожку, выведенную её рукой, повторила за ней. Закончив свою, Посланнэ помогла и подружке.

– Как же ты запомнила этот узор?.. Я тоже его видела, но не смогла бы повторить.

– И я не сразу уловила красоту линий. Сидела за шитьём, думала, вспоминала, как они переплетаются. И наконец мои мысли сумели сложить всё в единое сочетание!

Посланнэ покрутила перед собой посудину для морошки.

– Вот так! – Довольная, она передала Марпанэ туесок, украшенный теперь причудливыми зигзагами. – Теперь можешь отскрести тёмный слой бересты. Получится очень красиво. В нашей деревне нет такого узора. Мамины родственники уж очень любят посох Великого Турама⁶, заметила?.. На халате гости тоже был этот орнамент. У нас он будет у первых! Все будут любоваться нашими туесками!

Вскоре утомлённые девушки выскочили из полумрака прохладного юх хотя навстречу яркому солнцу. В первые секунды лучи ослепили их – так жарко было на улице. Опустив глаза на свежую зелёную траву, смеясь и подшучивая друг над дружкой, они подождали, пока глаза привыкнут к свету. Потом разбежались по домам.

Посланнэ похвасталась своим рукоделием не только маме, но и старшему брату, который как раз вернулся с рыбалки.

– Яйе! Брат! Смотри, что я смастерила. Как поспеют ягоды, пойдём с подружками за морошкой!

Брат вертел туесок в руках.

– Красиво-то как! – похвалил. – Ни разу не видел такого узора.

– Помнишь, весной гости приезжали к нам из маминой деревни? У них на туеске я и увидела эту веточку – это посох Небесного Турама.

– Я тоже видела этот узор, он украшал меховой сах⁷ Асэви. Очень красивый, – подхватила Тэкими. – Сестра твоя глазастая, запомнила.

Все радовались весёлому, отливающему желтизной берестяному туеску. Только Лиза, равнодушно свесив руки, исподлобья глядела на радующихся безделушке родных. Солнечные туески уже так и просились с девушками в лес за морошкой, что вот-вот зацветёт на болотцах.

С рыбалки вернулся отец, хмуро взглянул на домочадцев и молча вошёл в дом, оставив за собой запах рыбы и речного ветра. Присутствие Микун-ики будто на мгновение заморозило всё – и даже девичий смех, доносившийся со двора, на секунду стих. Отец тут хозяин дома, и ему решать, стоит ли замечать какой-то туесок.

Все забежали. Посланнэ подбросила дрова в уличную печь, торопясь согреть остывающий чайник; брат подсел к отцу, что-то рассказывая о работе бригады; мать уже придвинула к их ногам чайный столик и подала рыбу, приготовленную в собственном соку.

Тэкими позвала к столу старшую дочь. Лиза медленно поднялась с оленьих шкур и так же безучастно плюхнулась возле отца. Хозяин дома чуть приобнял старшенькую, но та, почувствовав отцовскую руку на ненавистном горбу, повела плечом. Отец тут же убрал руку, угрюмо взглянул на детей и принялся за еду.

⁶ Имеется в виду берёза, которая в символических узорах орнамента хантов представляет посох главного божества этих народов.

⁷ Верхняя одежда: для зимы шьётся из оленьего меха, соболя, белки; для лета – из сукна.

Вот уже второй десяток лет Микун-ики ходит хмурый и молчаливый, и дочь-калека тут была ни при чём. Всё началось с того времени, как известного пословского богатея раскулачили. Забрали всё: оленей, табун лошадей, на которых зарабатывал на ямщине, даже стадо коров увезли в Азовы для бедняков. Оставили только тёлочку хромую. Успел лишь сундучок с деньгами зарыть в навоз за стайкой⁸.

С тех пор на оленей махнул рукой, а вот табунок лошадей вновь пасётся на тальниковых островах. Да и коровы расплодились от хроменькой тёлочки: три бурёнки и телята мычат в коровнике с утра, а сердитый бык весь в хозяина выдался.

Но не может успокоиться Микун-ики... К тому же жена кое-как двигается, он даже не помнит, была ли она когда здорова. Правда, когда сватал, от красавицы веяло бодростью и силой. Рукодельнице Тэknэ⁹ сложили в нарты столько добра, что Микун-ики чуть ли не подпрыгивал от радости.

С тех пор, как она вошла в дом мужа, Тэкими словно высохла.

Хозяин предавался воспоминаниям, а Посланнэ щебетала о чём-то с матерью и разливала чай, радуясь похвале брата.

⁸ Помещение для скота, хлев.

⁹ У хантов имена незамужних оканчиваются на «нэ» (девушка), замужних и вдов – на «ими» (женщина).

Глава 2

Любовь

Рыба поднимается по Малой Оби. Уже и сынские¹⁰ рыбаки скоро подойдут к летним рыболовецким станам. Скоро на Оби станет многолюдно.

Посланнэ каждый день пристаёт к брату:

– Яйе! Брат! Мы поедем на праздник рыбаков к началу путины?

В ярком платье, которое сама же и сшила, украсив десятками мелких полос по подолу и узором по рукавам, Посланнэ прыгала, как годовалый оленёнок. Ей ни секунды не сиделось на одном месте. Горбатая Лиза с интересом поглядывала на сестрёнку, но, как всегда, молчала. Она тоже была в нарядном платье, которое ей смастерила сестра. Брат не жалел денег на ткани: Яйе бригадир, зарабатывал хорошо, у руководства был в почёте.

Прошлым летом, в месяц вонзи, когда рыба поднималась на нерест из Обской губы, для Посланнэ открылся целый мир, огромный, незнакомый...

Именно там она увидела его.

– Хэй! Лишь бы не передумал приехать на праздник. Лишь бы не передумал! – беспокойно металась Посланнэ от мамы к брату.

– Яйе! Когда будешь грести, можно сяду за рулевое весло? – как бы мимоходом спросила девушка.

Она знала, что сидеть за рулём нелегко, но была готова на всё, лишь бы услышать, едет брат или нет на Священный мыс.

– Поедем, поедем, сестричка! – улыбнулся Яйе. – Все дела переделал. Перед рыбалкой надо хоть немного отдохнуть, впереди ведь столько работы. Государственный план надо выполнить. Поедем. Собирайся. Говорят, сынские рыбаки уже на подходе к Священному мысу, к месту поклонения богам. Заодно и поучаствуем в соревнованиях по гребле.

Брат Посланнэ, бригадир рыбаков, обязан был быть везде, где собирались его подчинённые.

Через пару дней, на рассвете, они с сестрой и её подружкой выехали на лёгкой калданке¹. За ними следовали лодки соседей: желающих поклониться богам и участвовать в соревнованиях было много.

К вечеру путешественники были уже на мысу. И тогда Посланнэ издала увидела его...

Вот он, тот самый красивый светловолосый парень. Широкоплечий, с добрыми глазами, он стоял спиной к Посланнэ. Тоже кого-то выискивал глазами в толпе, но, не найдя, медленно пошёл к лодке. В его калданке сидели двое – подросток лет пятнадцати и молодой крепкий парень.

Скоро начнутся соревнования для самых быстрых гребцов. Люди собрались посмотреть, кто нынче придёт первым. Волновались, переговаривались, оценивая не только силу и ловкость, но и опыт участников. А светловолосый парень всё ещё не заметил в толпе ту единственную, ради которой стремился к победе.

Мужчины двинулись к раскидистой священной лиственнице, чтобы поднести подарки божеству воды.

Бог воды и многочисленные помощники людей – духи – оберегали малые и большие реки и их главную – рыбную Обь. На реке ежедневно люди добывают себе главное пропитание.

¹⁰ От «Сыня» – река в России, левый приток Оби, течёт на западе Ямало-Ненецкого автономного округа.

Молились сегодня и родовым покровителям, а также божествам воды, земли и Всевышнему Отцу Тураму.

У священной лиственницы уже были привязаны три оленя: белобокий (подарок сынских рыбаков, они приносят своему покровителю только оленей светлой масти); чёрный – от рыбаков с Большой Оби; третий – от людей рода Пóслан ёх с Малой Оби. Пóслан ёх часто роднятся с жителями сынской земли.

Женщины разжигали костры, ставили котлы для мяса и рыбы. Их было много, но для обряда висели три самых больших котла.

– Хватит нам, – решили они.

Ещё три ёмкости предназначались для рыбы: кто-то уже добыл несколько больших щук величиной с размах взрослого мужчины и множество карасей. Белой рыбы – сырка, нельмы, муксуна – в это время ещё не было, вонзь только подходила. Язя, как и налима, ханты никогда не приносят на место поклонения: это рыба подземного бога. Два других костра были для многочисленных чайников. Каждая хозяйка привезла свой: в семьях бывает до десятка людей, и кто, как не женщина, позаботится о том, чтобы все могли согреться горячим чаем?..

Подвесили на рогатины свой чайник и Посланнэ с подружкой. Из их деревни тоже было много народу, особенно женщин. Среди них они с Марпанэ были самыми молоденькими, и остальные всё время подсказывали им – что делать, когда накрывать, где помочь.

Яйе ушёл к мужчинам. Самых расторопных девушек приставили к костру с котлами.

Пожилые женщины лишь посматривали да шептались между собой. Хозяйничали в основном молодухи, что прибыли вчера с реки Сыни. Старушки время от времени делали им замечания. К ведрам с водой, дровам и котлам они не прикасались, больше присматривались к девушкам, особенно те, у кого подросли сыновья. Сидя полукругом, они переговаривались, отдавали приказания и из-под опущенных ниже глаз платков внимательно разглядывали каждую помощницу.

– Откуда она, эта быстрая девушка, уж больно *каркам эви* (проворная)? – обращали многие внимание на Посланнэ.

– Это же бригадира сестра, пословского. Видели мы её в прошлом году: расторопная, как и сам Яйе.

– Видать, зажиточные, – говорили люди. – Платье-то шёлковое, не жалко, что у костра может искрой подпалить!

– Понятно, не жалко. Погляди, наклонилась над ведром, черпает воду для котла: из-под наряда ещё два-три ситцевых платья выглядывают – чего ей жалеть?.. Отец-то её из раскулаченных. Да видно, не всё отняли: лошадей-то, говорят, ещё много. Нарядилась знатно. Нюки-ваи¹¹ тоже новенькие.

– Брат – бригадир, – вмешалась ещё одна женщина. – За работу начальству хорошо платят.

– Говорят, хоть и молоденькая, а очень работающая. Не мать ей шьёт наряды – сама всё успевает: и по дому хлопочет, и вышивает. Мать-то недужная, плохо с хозяйством управляется. Да и как справиться, там скота-то сколько!

– Пока другие копошатся и не могут ветку для огня разрубить, она уже два раза сбегала за водой и быстро справилась с дровами, – обсуждали старушки Посланнэ.

А та, поправив длинную поперечную палку на рогатинах костра, подвесила котлы с водой. Потом взгляд её упал на молчаливую девушку, стоявшую чуть в сторонке. Та ни с кем не разговаривала, как и Марпанэ, оставленная у костра с чайниками.

Посланнэ попросила незнакомку помочь:

– Итые! Передай мне котёл с водой, я подвешу к огню.

¹¹ Национальная обувь: летние сапожки.

Скромная худенькая девчушка, прибывшая с Сыни, обрадовалась вниманию и молча бросилась помогать. На ней было платье из сурового холста и такой же платок с длинными кистями. Посланнэ почувствовала к ней расположение и чуть расслабилась: уже не так одиноко у костра среди незнакомых строгих женщин.

– Эвиенан! Девушки! Осторожнее у костра. Огонь разгорается, платья ваши огонь может лизнуть, подберите подола, – беспокоилась мать молчуны.

Её дочь подобрала подол, отодвинулась от огня.

Справившись с котлами, девушки теперь держались ближе друг к дружке. Дружно сели у кучи карасей и начали чистить рыбу. К ним наконец-то прибежала Марпанэ, освободившись от ворчливых наставниц.

Посланнэ подняла подол нарядного шёлкового платья, закрепила за пояс, чтобы не испачкать, показав нижнее – тоже яркое, но уже ситцевое. Вторая девушка подоткнула подол, но внизу оказалось такое же скромное платье, как и верхнее.

– Тебя как зовут? – спросила Посланнэ.

– Ловсанхамнэ. А тебя как мать с отцом назвали?

– Меня все зовут Посланнэ!

Куча улова таяла, другие девушки перекладывали рыбу в берестяные лоханки и уносили к котлам.

И тут Посланнэ почувствовала на себе чей-то пронзительный взгляд.

Медленно подняла глаза – и увидела того парня, которого повстречала прошлым летом. Их взгляды встретились. Его серые глаза внимательно смотрели на неё. Увидев, что Посланнэ глядит в его сторону, юноша улыбнулся.

Девичье лицо залилось краской. Посланнэ тут же опустила глаза и натянула платок, прикрыв лоб. Её ножичек ещё стремительнее замелькал в руке, чешуя разлеталась во все стороны.

Через некоторое время она вновь медленно подняла взгляд – осторожно, в сторону, откуда наблюдал за ней светловолосый парень в обветшалой летней малице.

Поймав её взгляд, юноша чистым, бархатистым голосом запел. Вокруг него тут же собрались мужчины, внимательно слушая. Он пел молитвенную песню. Струны его души волновали слушателей. Женщины у костров тоже прислушивались к голосу.

*Ханты хоят Турам пела пойкацал, пойкацал.
Пойкацъты еман нёлэла ёхтылымел, ёхтылымел.
Турам Ащев лув пелайл порылылув, порылылув.
Щаня Ёхан лунхев пела порылылув, порылылув.*

*(Ханты-человек Тураму молится.
– Молиться мы к священному мысу собрались.
Молиться пришли к Отцу Тураму.
Молиться пришли к своему покровителю.)*

*Еман Асэв лунхлал пела пойкацлув, пойкацлув,
Мунев нётты лухлув пела порылылув, порылылув,
Халыват ёхатты хатлэв элты пойкацлув, порылылув,
Ям вохман, там хатл еман нёлн пойкацлув, порылылув.*

*(Великий, Всемогущий над нами кружит.
Много сыновей, дочерей к нему поклониться пришли.
С Небес земли свои, воды свои Турам осматривает.
Слушает, кто о чём молится, молитвы посылает.)*

*Сорни Ащев ларыял мувал ватман, йинкал ватман.
Хоятл ар: похлал, эвилал ёхатмел, ёхатмел.
Порылыты тут харт лувел ватты мосал,
Муй номасан хоят пойкащал, пойкащал.*

*(Смотрит с небес, кто же пришёл к нему молиться.
– Отец Великий, мы пришли молиться к тебе.
На рост месяца собрались, на рост месяца молимся.
Отец Великий, ты нам так повелел.)*

*Ханты хоят, пойкащман улылыял, улылыял.
Порылыты уиць ёхатты пулян, ёхтылысув, ёхтылысув.
Тылаиць энамты елти порылыты ёхтылысув.
Тылаиць энамты пулян порылысув, порылысув.*

*(Сколько людей на Земле, благополучия просим.
Человек, кто богатством кичится,
И у него могут быть проблемы.
Сегодня кто бедствует – и он просит удачи.)*

*Турам партапса щимаиць улмал, щимаиць улмал:
Иса арат хоят таицана улты ант верыттал, ант верыттал.
Иса нушая, хоят улты ант верыттал, ант верыттал.
Матты хатл лухлув мун пелаев анкармилат, вантылат.*

*(С молитвой к Великому Тураму пришли.
С молитвой к Всемогущим покровителям пришли.
Может, завтра к людям везение придёт.
Молятся – и богатый, и бедный, всем нужна удача.)*

*Хой нуша таял, такан Турам пела, лунхал пела пойкащал,
Хой таиць таял, иулыя Турам пела, лунхал пела пойкащал,
Иса-ки хоят таицана ус, хоты лулан пойкащал, пойкащал.
Турам партапса щимаиць улмал, щимаиць улмал.*

*(Все люди одинаково жить не могут —
Так повелел Великий Турам.
Не бывает, чтобы все в достатке жили.
Не бывает, чтобы всех удача покинула.)*

– Поёт-то как красиво! – тихо воскликнула соседка Посланнэ, что тоже сегодня прибыла из Послова с мужем на праздник.

– Так это наш молодой сказитель со своим младшим братом и другом, – вплелась в разговор пожилая Ёхантайнэ, известная шаманка на Сыне. – Это Юхур, мой пукан-пох¹². Я принимала роды у его матери. Вон какой парень вырос! Молодой совсем, а заводила на играшках. Все священные песни знает, да и другие тоже. Голос широкий, вольный. Слушают его с удо-

¹² Дословно: «мой сын, которому пуповину перерезала».

вольствием. Отца-то нет, давненько ушёл из жизни, Марья, мать их, одна растит, поднимает их. Старший брат был, да утонул в священных водах Оби. Младший в семье хоть и мальчишка совсем, по хозяйству наравне с братом справляется. Есть ещё малолетняя сестрёнка, Пáрску – вот она, возле матери. Старших дочерей Марья уже выдала замуж.

Посланнэ тут же взглянула в сторону, куда указала словоохотливая шаманка.

У соседнего костра молча хозяйничали низенькая худощавая женщина и девочка лет десяти ростом чуть выше неё, которая подносила хозяйкам костра то воду, то дрова. Другие дети играли, знакомились с прибывшими ребятишками из соседних куртов¹³, эта же девчушка не отходила от матери.

Плечистый светловолосый парень продолжал петь, раскачиваясь. Время от времени его взгляд останавливался там, где сидели девушки.

Посланнэ оправилась от первого смущения и теперь с любопытством прислушивалась к голосу певца. Глаза их незаметно для других встречались, и вновь девушка опускала голову, словно с любопытством разглядывала зелёную травку. За плечами при этом звучно позвякивали медные украшения, щедро вплетённые в косы.

Вскоре юноша завершил песню-молитву, и теперь уже пел старик с волосами цвета речной пены. Юхур, казалось, внимательно слушал песню, но взгляд был прикован к той, которая притягивала его к себе, словно рыбу к мелкочаистым сетям.

После жертвоприношения все угощались свежим мясом, которое расторопные девушки разносили на каждый стол, потом пили чай. Посланнэ прошла с хуваном – длинным деревянным блюдом – к столу, за которым сидел Юхур, и, от смущения не поднимая взгляда, кое-как сумела поставить блюдо на середину, отодвигая кышан¹⁴ с ухой.

Смутился от близости Посланнэ и парень: взгляд его потерялся. Не смея взглянуть на неё, он делал вид, что внимательно слушает седоволосого старца с короткими косами за спиной. Видел только глаза сказителя, голос говорящего, который объяснял что-то молодёжи, не доходил до ушей Юхура.

Вскоре старики объявили соревнования, и Юхур с братом и другом Ласар-ики впереводки побежали к своей лодке.

Парень точно знал: сегодня победителем будет он. Он не мог ошибиться в девичьем взгляде. Эти глаза говорили о любви.

* * *

Юхур выезжал с первой группой соревнующихся, в которую вошли только молодые парни. У берега ждали одиннадцать лодок-каяков и готовые к победам ребята. Взрослые мужчины, ответственные за порядок, тоже были наготове.

Как только ведущий подал команду, юноши моментально запрыгнули в лодки. Юхур аккуратно взял рулевое весло, младший брат и друг сели грести. Парень ни разу больше не повернул головы к столпившимся людям. Каждый желал победы своим родным, но за его спиной, там, за женщинами, стояла *она*, сжимая руки.

Ради светлых серых глаз, что запали в её сердце прошлым летом, девушка молилась Всевышнему Тураму, просила, чтобы именно его лодка пришла первой.

Юхур аккуратно грёб. Его длиннолопастное рулевое весло, окрашенное красной охрой, плавно врезалось в тёмные воды священного озера. Лопасть с тысячами брызг показывалась над водой, чтобы через секунду вновь окунуться во вспенившуюся гладь.

¹³ Небольшое поселение, деревня.

¹⁴ Чаша из берёзового капа.

Лицо юноши светилось, мягкие волосы цвета речного песка Сыни, стриженные на русский лад, разметались, открывая широкий лоб. Длинные лучи солнца скользили от лица Юхура к вспенившейся воде, погружаясь в брызги от вёсел, мимоходом блеснув в смешливых глазах гребцов, сверкали на лопастях рулевого весла.

Их каяк пришёл первым, оставив всех далеко позади. Причём, казалось, парни не торопились, а потому соперники не обратили на них особенного внимания. В неторопливых движениях Юхура чувствовалась не только сила, но и талант рулевого.

Счастливая Посланнэ улыбнулась и потянула подругу к кострам.

– Пойдём, уже пора людей чаем поить. Надо столы накрывать. Скоро начнётся второй заход гребцов – на калданках.

– Подожди немного, надо же посмотреть, каким придёт твой брат, – не тронулась с места Марпанэ.

Посланнэ одна побежала к кострам, за ней двинулась и Ловсанхамнэ.

Поздно вечером, когда солнце сравнялось с горизонтом, женщины вновь начали готовить вечерние столы. Ближние гости уже собирались домой.

Юхур весь день мучился, думая, как подойти к Посланнэ, и вечером принёс к их костру свежий улов. Предложил помочь почистить шуку, зная, что девушкам, согласно старинному поверью, нельзя прикасаться к этой рыбе ножом.

– Э́вет, я сам порежу шуку для котла, – сказал он. – Мальчишек рядом нет, все сбежали соревноваться на калданках. Не стариков же просить... Могу друга позвать, да рыбы немного – сам справлюсь.

Пожилые женщины не обращали внимания на молодых: у них были свои разговоры и секреты. Кто-то затянул песню.

Юхур высыпал рыбу и принялся распарывать шук. Посланнэ с Марпанэ сели рядом, выбирая куски для ухи.

– Рано собираетесь домой, – глухим от волнения голосом произнёс Юхур. – Сейчас не темнеет, можно до утра гулять.

– Как брат скажет, так и поедem, – зардевшись то ли от жара костра, то ли от смятаения, отозвалась Посланнэ.

– А ты попроси его, пусть не торопится, – проговорила огорчённая Марпанэ. – Завтра у всех выходной, куда ему спешить?

– Как же я не догадался сказать ему об этом! – быстрее заработал ножом Юхур. – Сбегай, Марпанэ, скажи Я́йе, чтобы не торопился. В выходные дни все отдыхают.

Марпанэ, взглянув на подругу, всё поняла и стремглав помчалась к рыбакам. У неё были свои причины, касающиеся молодого бригадира.

«Зачем спешить? – думала девушка на бегу. – Можно и завтра к вечеру выехать. Вот-вот начнутся праздничные соревнования для молодёжи. Солнце не скоро сядет, ночи светлые, люди будут гулять до утра, а мы почему-то должны уезжать так рано. Обидно даже...»

На берегу мужчины приводили лодки в порядок после соревнований.

Юхур продолжал резать рыбу, сидя рядом с Посланнэ, а потом сказал, оглядываясь по сторонам, как опытный, осторожный охотник в лесу:

– Моё сердце хочет выскочить из груди при виде твоих глаз. Но вряд ли тебя отдадут за меня... Ты из зажиточной семьи, а у меня нет даже оленей, чтобы отдать выкуп за невесту.

При этих словах он внимательно взглянул на Посланнэ. Девушка, низко опустив голову, не шелохнулась. Легко наброшенный на голову платок, как у всех хантыйских женщин, прикрывал глаза. Юхур не мог их увидеть, но слова его она приняла спокойно.

И тогда, успокоившись, он продолжил:

– Я хороший охотник и рыбак, руки мои умеют даже священный нарас-юх¹⁵ оживить, боги мне дали это мастерство. Звуки его струн по всей Сыне слышны. Я могу не только извлекать музыку души, но и обеспечить всем необходимым жену и детей. Отец давно погиб на охоте, мы остались без оленей. Достаток нашей семьи – это наши руки. Мать одна поднимала меня с моими братьями и сёстрами, и мы знакомы с нуждой. Но я удачливый: ко мне в руки идут и зверь, и птица. Если ты согласна, я украду тебя.

Посланнэ, склонив голову, молчала. Руки быстро-быстро складывали рыбу в котёл, косы в такт её неровным движениям позвякивали за спиной. Лицо горело, пальцы не слушались, и куски щуки время от времени выскальзывали в траву.

Юхур ждал. Он не торопил девушку.

Через некоторое время, видно, всё обдумав, Посланнэ тихо, почти шёпотом, заговорила.

– А в моей руке каждый день играет быстрая игла. Мои дети и муж никогда не будут мёрзнуть.

– Значит, ты согласна? Может, я спрошу твоего брата о помолвке?

– Сделай, как думаешь. Яйе добрый. Только не спрашивай моего отца! – сказала Посланнэ и взялась за ручку котла, чтобы повесить его к огню.

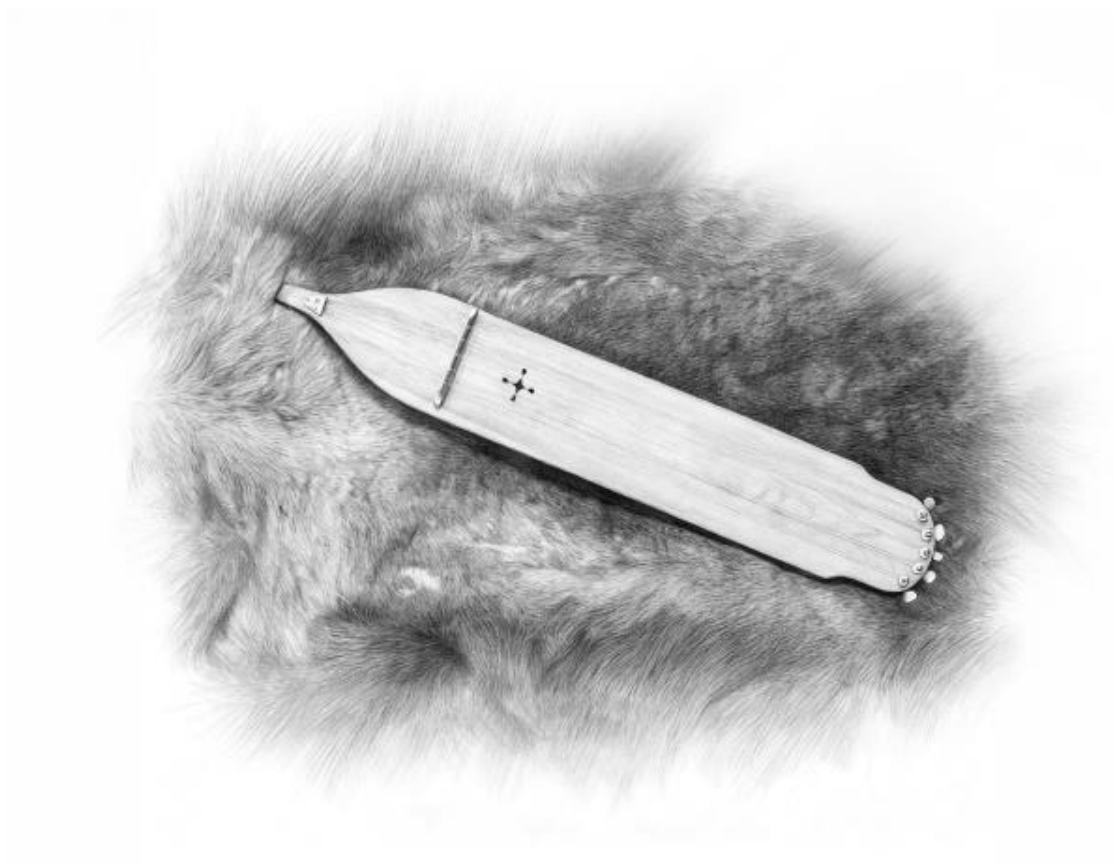
Юхур бросился помочь: схватился за дужку, и его широкая ладонь зажала мизинец девушки. Со страхом оглянувшись на женщин, Посланнэ выдернула палец и склонилась у костра, словно что-то искала. По всем правилам приличия, повесив котёл над огнём, Юхуру следовало тотчас отойти от девушки. Но он схватил Посланнэ за руку, вынул из-за пазухи серебряное кольцо и стремительно, пока не видят старушки, надел ей на палец.

– Я нарочно для тебя смастерил колечко из царской монеты, – быстро шепнул он. – У матери выпросил.

Девушка в смятении завела руку за спину, пряча её от людских глаз, словно в этот момент весь мир смотрел только на кольцо.

Но подгулявший народ не обращал внимания на молодых.

¹⁵ Нарас-юх (в переводе с языка ханты «играющее дерево») – струнный щипковый самодельный инструмент.

Глава 3

Оберег

В конце месяца по Оби и всем рекам разнёсся слух: началась война.

Будто земля тронулась с места! Каждый день кого-то вызывали в военкомат, и молодые мужчины оказывались на чёрном пароходе, который часто дымил трубой по Оби до самого Омска.

И всё же в августе, выполнив план по рыбодобыче, Юхур отправил к родителям Посланнэ сватов.

Отец девушки даже разговаривать с ними не стал. После долгих переговоров с сыном Микун-ики вдруг повысил голос и наотрез отказал сватам:

– Знаю их семью! Чем он будет кормить мою дочь? Настолько бедны, что вряд ли смогут даже оленя в жертву принести на свадебном обряде!

Яйе пытался переубедить несговорчивого отца, желая счастья сестрёнке, но ничего не добился.

Сваты передали Юхуру слова Микун-ики:

– Пусть ищет себе ровню. Моя дочь ходит в шёлковых нарядах и вряд ли пожелает надеть ключеее холщовое платье в доме бедняка.

Юхур гордо поднял голову. Его челюсти свела судорога, но он не утратил уверенности в своих чувствах.

– Посланнэ – моя душа, моё сердце, – сказал он. – Мы одно целое, и я женюсь на ней, что бы ни говорили мужчины её семьи. Сегодня я беден, но завтра у меня будет достаток.

Он развернулся и ушёл.

«Слабые сваты, не умеют договариваться. Через год отправлю других. А пока за осень выполню несколько государственных планов», – думал Юхур.

Ещё месяц он добросовестно работал на рыболовецком песке Ващкалор.

В сентябре, только успев доставить семью до Сыни, Юхур получил повестку на фронт. Единственный кормилец в доме, он не представлял, как его мать, сестра и брат выживут без него. И всё ещё мечтал жениться на Посланнэ. Война не входила в его планы.

– Что это за война?.. Кто её придумал?.. – в смятении спрашивал он начальство. – У меня мать остаётся одна. Кто их будет кормить? Кто добудет еды?

Но парня никто не слушал. Просто подтолкнули к лодке, в которой призывникам предстояло плыть сначала до поселения Азовы, а потом много дней на пароходе до Омска. Чёрный дым из трубы парохода ещё не раз оповещал на полустанках людей о сборе на фронт.

Услышав, что мужчин отправляют воевать, Посланнэ попросилась у матери съездить с подружкой до поселения, в магазин. К брату она не обратилась – была сердита на него, а особенно на отца. Она знала: в посёлке может встретить Юхура. В потайной кармашек платья положила амулет – материн подарок, который с детства её оберегал.

Целый день люди в Азовах стояли на берегу в ожидании парохода. С низовья Малой Оби, со стороны реки Сыни, подъезжали хоран-каяк – лодки-домики, покрытые сверху берестой. Из них на берег выпрыгивали парни, сливаясь с другими призывниками.

Посланнэ удалось найти в толпе своего сероглазого избранника. Подхватила за руку подружку, увлекая её в самую гущу людей. Расталкивая народ, она вплотную пробралась к Юхуру и поймала его руку.

– Береги амулет, – шепнула девушка. – Он оберегал меня с самого рождения, теперь пусть хранит тебя. – И вложила его в ладонь любимого.

Посланнэ не думала о своей судьбе. Взглянув в глаза Юхуру, тут же бросилась подальше от толпы: люди глазастые, всё передадут брату.

На поясе Юхура висел оберег – клык волка, того, что он добыл зимой, когда серые хищники задирали сразу по несколько оленей за ночь. Тогда оленеводы обратились к парню: «Юхур, сынок, волки замучили. Если свалишь передового, оплату хорошую обещаем: важенку на расплод». А сейчас парень крепко сжал медвежий клык в ладони – с древнейших времён, как появилась земля народа ханты, этим оберегом от младшего сына Великого Турама охраняют себя люди от всех бед.

Амулет Посланнэ стал для него символом любви. Сердце отчаянно рвалось из груди: ещё хоть бы разок взглянуть в её глаза... Но девушка уже мчалась прочь.

Теперь Юхур точно знал: вернётся с войны – и Посланнэ всегда будет рядом. У них появится свой дом и много детей.

Егор Максимович родился 6 мая 1917 года в семье рыбака и охотника Максима Минеевича Лонгторгова в деревне Оволынгорте на берегу горной реки Сыни. Его дед, Миней Лонгторгов, по 7-й ревизии 1816 года и по 10-й ревизии 1858 года был старшиной в Оволынгорте, наместником князя Артанзеева на Сыньской земле.

Семья Максима Минеевича была многодетной: несколько дочерей и три сына – Николай, Егор-Юхур и Гаврил-Каллыя. Когда Егору исполнилось девять лет, семья осталась без главы: отец погиб на охоте. В те тяжёлые времена, когда семья зависела от мужчины-добытчика, мать Марья оказалась на грани нищеты. С того времени маленький Егор стал кормильцем. С детства знал: не добудут с братьями рыбу или не принесут из леса добычу – семья будет голодать.

Жили бедно, но не жаловались. Вскоре старшие сёстры вышли замуж, сыновья продолжали помогать матери. В школе Егорне учился, а в колхозе начал трудиться с 1939 года. В трудовой книжке значилось: «Охотник, рыбак». Проработал в колхозе до августа 1941-го.

16 сентября 1941 года Егора Лонгторгова призвали в армию. Сначала отправили с новобранцами на теплоходе до Омска, потом в город Куйбышев (ныне Самара). 7 ноября того же года он участвовал в параде в Куйбышеве. Оттуда Егора вместе с красноармейцами направили на Ленинградский фронт.

Стрелок-автоматчик Егор Лонгторгов участвовал в обороне Ленинграда и Тихвина в третьем Ленинградском ополчении народного фронта.

Глава 4

Марья

Оволынгорт опустел: не слышно детских голосов, не видать говорливых женщин возле уличной печи, с рукоделием в руках обсуждающих деревенские новости. Лишь старики строгаги лиственничные стволы: оленеводам нужны новые нарты – они быстро ветшают в вечном кочевье; рыбакам нужны новые вёсла – они добытки белы рыбы для фронта.

Мать Юхура записалась в колхоз охотницей-рыбачкой: нужно было на что-то жить, обеспечивать фронт рыбой и мехами, кормить младшую дочку. Сына-подростка Каллыя забрали в школу-интернат в Овгorte.

Марья не плакала и не жаловалась. «Живём в лесу, в его чаще довольно зверя, надо только уметь добыть», – решила она. В реке Сыне не переводилась рыба, сеть для ловли сынского «серебра» они с дочерью сплели вдвоём.

Со стороны казалось, что по лесу идёт ребёнок – Марья была настолько низкорослой, что глухарь, которого она несла на плече, был размером почти с ней. Винтовка-мелкашка, с помощью которой она добывала белок, иногда волочилась по земле. Но план по меху женщина выполняла в два-три раза больше, чем старики.

Средний сын на фронте, но когда-нибудь Юхур вернётся, значит, дом должен быть тёплым. Старший утонул на Малой Оби в Някцемгorte ещё до войны, во время летней рыбалки. Младший учился в Овгортской школе-интернате, домой приезжал только летом.

Значит, Марье с дочерью надо было выживать самим.

В морозные сорокапятиградусные дни, когда бригадир не видел, она тайком собирала рыбу, добытую на Сыне, но не сдавала. Два раза в месяц женщина собиралась в дорогу.

– Доченька, – говорила она Парску, аккуратно упаковывая холщовый мешок в нарточки, – братику рыбу повезу. Ночью зря чувал не топи: мало ли, искры полетят. Укройся потеплее и не замёрзнешь. Если рано утром проснёшься, растопи печку – согреешься. Дрова я приготовила, береста на видном месте.

Поверх мешка Марья крепко привязывала небольшой мешочек из кожи налима. До рассвета, в потёмках, запрягала трёх собак и быстрым шагом шла за упряжкой по зимней дороге в посёлок.

В интернате детей кормили скудно – кашей да хлебом. Каждый раз Марья пешком преодолевала пятьдесят километров. В дороге иногда останавливалась в деревне выпить чаю у знакомых и торопилась дальше.

Сегодня добралась в Овгорт только к ночи. Опоздала к отбою, постучалась в дверь интерната. Сторожиха знала её стук, разбудила Каллыя и открыла дверь.

Марьин мешок перенесли в сенцы столовой, чтобы дети утром полакомились свежей рыбой. В налимьем мешочке сын нашёл не только шумах, но и варёное мясо капалухи (так ханты называют самок глухаря), завёрнутое в кусочек крапивного холста.

Марья устало сидела у порога, растирая ноги, пока сторожиха не принесла ей пустой мешок и чашку горячего чаю. Выпив, она с помощью сына встала, завязала поясок поверх шубы-ягушки и обмотала голову тёплым платком.

– Сыночек... – наклонила к себе голову высокого парнишки, крепко поцеловала. – Смотри на небо. Как только месяц убавится до ниточки, я снова соберусь к тебе. Может, и капалуху снова добуду. Учись хорошо – пригодится учёба.

Сторожиха закрыла за Марьей дверь, и женщина тронулась в обратный путь. Пустая нарточка была лёгкой, а ноги становились тяжёлыми, как мешок рыбы. К утру она должна быть на глазах бригадира.

В пути давала собакам отдыхать, шла пешком, когда не могла идти, садилась на нарты. Женщина подгадывала поездку так, чтобы не приходилось в тот день проверять сети. На этот раз она добралась до Оволынгорта с рассветом. Собаки торопились домой.

Сейчас они лежали у чучала, грелись. Марья не обижала своих кормильцев – поставила полную долблёнку вчерашней налимьей ухи. Сама с дочерью пила горячий чай с шумахом.

Парску, зная, что мать устанет, растопила печку с утра, вскипятила чай.

Тепло от очага разморило женщину, но она вскочила, отодвинула стол:

– Унтыты манлам! Пойду лесовать, а то бригадир явится проверять. Вернусь засветло, лишь петли проверю.

Подпоясавшись, вышла на улицу, где её уже ждала, виляя хвостом, охотничья собака.

В тёплом лесу, где не обдувал со всех сторон ветер, Марья радовалась: сумела доставить младшему сыночку немного еды. Дальняя дорога отвлекала от тоски по сыновьям.

Дочка работала дома: маленькая Парску ещё с ранних лет научилась размягчать оленьи шкуры и лапы для оленеводов, которые шили из них потом зимнюю обувь. Ей платили теми же шкурками, а иногда давали и кусок оленьего мяса.

Случались и огорчения: однажды, обработав на совесть шкурку неблюя¹⁶, Парску получила от хозяйки протухшего телёнка. Девочка, не заметив этого, забрала замороженное мясо домой. К вечеру оно оттаяло, и Марья, вернувшись уставшей с охотничьих угодий, сразу почувствовала запах «подарка».

– Доченька, это тебе за работу дали такое мясо?

– Да, мама. Хозяйка очень хвалила, что я мягонько выделала шкурку неблюя, за работу целого телёнка в руки мне положила. Я очень обрадовалась: другие если давали мясо, всегда маленький кусочек или оленьи лапы на кисы¹⁷.

– Доченька моя, даже маленький кусочек мяса стоит настоящей цены, а этому телёнку разве что собаки обрадуются. Запомни, милая: всему своя цена. Если хозяйка решила, что мы можем довольствоваться таким отдарком, она ошиблась.

– Мама, что теперь делать?.. Ведь я не знала...

– Ешак тынан эвие! Дорогая моя доченька, твои ручки ещё не окрепшие, а уже золотые, работающие, такой платы ты не заслужила. Ты пока ещё маленькая, видишь перед собой лишь снежные длинные ночи, а где-то идёт война. Вырастешь скоро, откроешь глаза и увидишь яркое солнце, хороших людей от недобрых отличать научишься. Даже если они богачи, не имеют права так относиться к детям. Иди, моя девочка, отнеси мясо обратно. Войдёшь в дом, положи его у порога и молча выйди. Слышишь, моя милая?.. Только ничего не говори! Мы не сидим голодные: у нас есть руки, ноги, есть лес, богатая рыбой река – не пропадём. Вернётся домой брат, заживём ещё лучше. С этого дня ни на кого больше не работай, предложат шкурки выделывать – промолчи. Если сумеешь ответить, скажи, что рученьки болят. И никогда никому не рассказывай об этом случае с телёнком: разговоры пойдут от дома к дому об этом, хозяйке будет неприятно. В одной деревне живём.

¹⁶ Телёнок оленя.

¹⁷ Зимняя обувь.

Глава 5

Ущ курт. На Тихвинском фронте

Юхур воевал на Тихвинском фронте.

Однажды группа солдат, в которой он состоял, взяла особо важного языка. Всем вручили медали «За отвагу».

Перед боем каждого солдата угостили спиртом.

– Подходим, всем по сто грамм! Поздравляем наших героев! Сегодня идём в атаку!

Два друга-земляка – Юхур и Лёван, – взяв кружки, отошли в сторонку и поставили их на землю. По древнему обычаю ханты никогда не сделают и глотка, не угостив своих богов – на удачу. Присев, Юхур, как старший, поднял голову к небу и запел:

*Муv ловатн Турам няврэмат ларылат,
мир хоты ул, нын ватлаты.
Муй щирн уллуv, мосан улты пищев иса антом.
Щи уранан ици пойкащълув-ие, такан пойкащълув.
Яма пойкащълув ляль харн, еллы улты верэв ул.*

*(Над землёю кружат помощники богов, землю оберегая.
Как живут люди, наблюдаете, – может, без сил мы уже?
Потому молимся, прося помощи, молимся.
Неистово молимся на войне, хотим жить дальше.)*

*Ханты Турам муй вер иса нан хошлэн, иса уятлэн —
Ханты мутра верэн муйн, риць мутра верэн муйн.
Муй верты, хоты улты? Турам нэпек ил ханятман тайлэн.
Нови вълэн ухлан омаслан – иллы мун пелаев анкармия.
Нёты мунев ляль харн, нох питтыя.*

*(Хантов Бог, ты всё знаешь, обо всём ведаешь —
Хантыйские все премудрости, русские все премудрости)
Что делать нам, как жить? Все божьи письма ты прятал.
На белобоких оленях небеса объезжая, вниз, на землю погляди.
Помоги нам войну выстоять!)*

– Ешак Турам! Мы поставили перед тобой священный напиток, чтобы его сила дошла до тебя. Мы идём в атаку на чёрного врага, помоги нам одолеть его! Только ты знаешь, останемся ли мы живы. Пошли нам удачу – мы так хотим ещё хоть раз увидеть родное село... А здесь кто нас похоронит?.. Погибнем – ляжем в сырую землю, и никто не узнает, где нас искать.

Не успели договорить со своими богами, как их уже позвали:

– Эй, охотники! Ребята! Вы чего опять колдуете? Дали спирта – дуйте к нам! Небось опять молитесь своему шайтану?.. Смотрите, комсорг увидит – попадёт!

Юхур с Леваном, взяв кружки, медленно и уверенно выпили спирт до дна.

Снова в бой. Где-то там, за спиной, была Посланнэ – его любимая. Ради неё Юхур готов бить любого врага!

– Как может земля устоять от такого шума, взрывов и боли?! – закричал солдат.

И, как всегда, осматривал каждую травинку, каждый холмик со стороны врага, приглядываясь к тихой речке, куда вчера с самолётов падали смертельные снаряды.

Повсюду была кровь его друзей, смешанная с землёй... ребят, с которыми вчера они пели песни в землянке.

Всех солдат похоронили в одной большой яме. Запах крови до сих пор мутит голову. Юхур был готов уничтожить всех фашистов один, лишь бы не видеть больше смерть товарищей.

Страх закрадывался в сердце: не дошли бы менквы¹⁸ в человеческом обличье до его родной земли. До его любимой...

– Великий Турам! – восклицал он с автоматом в руках, подняв голову к небесам. – Разве ты не видишь, сколько человеческой крови рекой разливается по всей земле?.. Почему ты равнодушен?.. Почему человек превратился в дичь?! Я охотник. Я стрелял белке в глаз, не повредив шкурку. Я добывал песца, добывал хищного волка. А теперь я стреляю в человека! Немец человек или зверь? Может, он действительно зверь – в облике человека? Величайший Турам! Слышишь ли ты меня?.. Тогда кто я, который стреляет в людей? Охотник? Не-е-ет! Не охотник!

Юхур знал: воин охраняет свою семью, свой род, свою землю. Он – защитник своей любимой.

– Вперёд! На врага! – кричал ротный. – За родную землю!

– О Великий Турам! Значит, мы есть ўрртат – богатыри, которые должны освободить вашу землю, ваши воды, ваше небо от чёрных врагов. Я буду биться до конца, до последнего вздоха. До последней капли крови. Но я должен вернуться к любимой...

10 декабря 1941 года Егора ранили. Потом ещё раз – 15 июля 1942-го.

После выздоровления его направили в 3-й армейский запасной полк, оттуда – в 7-й стрелковый полк 24-й Самаро-Ульяновской Бердичевской Железной трижды Краснознамённой дивизии, награждённой орденами Суворова II степени и Богдана Хмельницкого.

Где бы Юхур ни воевал, он не забывал свою Посланнэ. Парень стрелял, уничтожал врагов – и всё ради скорейшего возвращения домой, к любимой девушке.

Немцы то отступали, то яростно наступали вновь. Юхур терял близких друзей и однополчан, но вставал, как все, и шёл в бой.

В короткие промежутки отдыха парень садился возле кустика или пригорка и пел на родном языке молитвы, обращённые к Золотому Великому Тураму:

– Ешак Турам, дай увидеться с девушкой, чьё сердце уже стало моим! Пусть в сырой земле фашисты лежат, а не мои друзья! Мне бы только одним глазком взглянуть на Посланнэ! Ешак Турам, дай возможность мне вернуться домой!

Ещё в начале войны, в перерывах между боями, он пел – и не только молитвы, но и старинные легенды родной земли. Бойцы внимательно слушали. Юхур с детства знал: если ты поёшь, дверь в твоё сердце всегда открыта, потому вместо пустых разговоров с товарищами по оружию после боя дышал песней.

Юхур прислушивался и к русским песням, к дружным напевам однополчан, запоминал слова. Вскоре его бархатный голос звучал в землянке и на русском языке.

Любили бойцы послушать его «Синий платочек». Незатейливые слова уверенно вплетались в мелодию, а хрипотца в голосе придавала песне особую трогательность.

Для Юхура эта песня была обращением к Посланнэ.

¹⁸ Великаны-людоеды, оборотни в ханты-мансийской мифологии.

*Синенький скромный платочек
Падал с опущенных плеч.
Ты говорила, что не забудешь
Ласковых, радостных встреч.*

Когда сослуживцы с тоской выводили «В землянке», Юхур смело подхватывал песню – она тоже была про его любимую:

*Бьётся в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза.
И поёт мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.*

Юхур пел и плакал. В песнях была грусть по дому, его любовь и молитва о Посланнэ. Только никто не знал боль его души: бедняку отказали в главном – жениться на любимой.

Егор шёл с друзьями по военным дорогам Калининского, Сталинградского, Донского, Юго-Западного и I Украинского фронтов. Участвовал в Сталинградской битве, сражался на Курской дуге, был в боях на территории Украины, видел Киев. Участвовал в освобождении Харькова и Бердичева. В составе своего боевого соединения дошёл до предгорий Карпат. Иногда его посылали стрелком-снайпером. И так – год за годом.

16 августа 1943 года Егора ранили вновь – уже в третий раз. Его наградили медалями «За отвагу», «За оборону Ленинграда», благодарностями от командования. Эти награды были его единственным богатством.

Молодой солдат надеялся, что боевые заслуги оценят отец и брат любимой. Богатство, заработанное кровью... Писать он не умел. Адрес «Оволынгорт» ни о чём не говорил однополчанам, и письмо, написанное товарищем, затерялось.

* * *

Быстроногий охотник научился чутать пулю, но однажды ему не повезло. Острая боль пронзила бедро. Он пытался бежать, целясь во врага, но что-то липкое стекало по ноге.

В глазах помутилось. Юхур рухнул вниз лицом, уткнувшись в землю, словно целовал её. Штанина всё больше промокала от бурой крови, которая капля за каплей уходила в тело Матери-Земли.

Где-то прогремел взрыв. Земля содрогнулась от ужаса, поднялась клубами и осыпалась, укрыв раненого солдата, точно спасая его.

Официальные документы говорят: 24 апреля 1944 года Егор получил тяжёлое ранение обеих ног.

Очнувшись, понял, что лежит среди погибших бойцов. Пошевелил руками – целы. Ног не чувствовал. Рядом лежал Куцъта, земляк с Оби. Совсем недавно они встретились на фронтовых дорогах, говорили на родном языке, пели.

Теперь парень был мёртв.

– Прости меня, лухсэм (друг). Если останусь жив, встречу твоих родных, передам, что вы все пали смертью храбрых...

Оглядевшись, Юхур увидел санитарную машину. Его никто не заметил.

Тогда он сам пополз к спасителям.

Когда пополз, машина уже была полна ранеными. Но Юхур из последних сил вцепился руками в колёса. «Второй раз машина может не вернуться. Тогда я истеку кровью и больше никогда не увижу Посланнэ...»

Больше Юхур ничего не помнил. Кто-то подтянул его до кузова, и парень свалился на тела других солдат.

Глава 6

Тяжёлый труд

Посланнэ трудилась в тылу. Просилась у брата-бригадира на самые трудные работы – на те самые «боевые участки», как Яйе называл их на колхозных собраниях.

Весной в коровнике закончилось сено. Остались только засушенные в летнюю пору веники тальника. Для своих семей сена хватало, в августе успела достаточно накопить корма и семья бригадира. Если пойти по домам, придётся просить сено и у отца, а значит, навлечь на себя гнев Микун-ики. На такое Яйе не мог пойти.

Но если колхозные коровы погибнут, к ответственности привлекут не только начальство, но и всех колхозников.

И бригадир принял решение.

– Тальник будем рубить! – сказал он женщинам на собрании. – Скоро ворона прилетит, тепло в апреле будет. Почки на деревьях уже набухают, будет чем кормить коров.

С утра колхозницы отправились на заготовки веток. Посланнэ хоть и была обижена на брата за то, что они с отцом отказали сватам Юхура, но первой вышла за тальником.

Увидев её у коровника, Яйе буквально прошипел:

– Ты чего тут стоишь? – И уже тише: – Снег рыхлый, к вечеру будешь вся мокрая!

Посланнэ ничего не ответила. Теперь-то она точно пойдёт.

По утреннему насту женщины легко добрались до островка за протокой. До обеда работали спокойно, радовались тёплому солнцу. Наст держал худеньких работниц поверх снега.

После обеда то тут, то там стали раздаваться вскрики:

– Вытащите меня!

Солнце растопило наст, и вокруг деревьев снег стал мягким, образуя ямы. Раз за разом колхозницы проваливались в снег, и выбраться было тяжело. Но план бригадир расписал каждой – и надо выполнять.

Посланнэ раскопала вокруг деревьев круговые ямы, однако это не спасало. К середине дня девушка очистила от веток десятков тальниковых деревьев, но была мокрой уже по пояс, а в раскисших кисах хлюпала вода.

К вечеру к острову по талому снегу на лыжах перебрался бригадир. Привёз на нарточках лыжи, выпрошенные в деревне. Увидев, в каком состоянии женщины, приказал срочно возвращаться.

Переправа через протоку стала сложнее – даже на лыжах. Яйе снял лыжи и протянул их Посланнэ, но она даже не взглянула.

Брат, время от времени проваливаясь в снег, выбирался из протоки по-пластунски. Посланнэ, пройдя несколько шагов, оказалась в ловушке снежной ямы, но кое-как выкарабкалась и поползла за женщинами.

Ветерок обдувал мокрую одежду, холод проникал в каждую клеточку тела. Мозг словно застыл. Посланнэ думала лишь об одном: мать, наверное, сейчас топит печь, ждёт её. Девушка мечтала, как быстро переоденется – и в постель.

Они вернулись в деревню вечером. Сил снять промокшее не было, но нужно было спасать лёгкие меховые сах – ведь это было самым дорогим, что у них было.

Всю ночь женщины мяти, сушили, переворачивали наизнанку свои кисы и сах над печкой. Если просто повесить сушить, мездра засохнет, кожа стянется, и вряд ли после этого одежду можно будет носить.

К утру одежда и обувь были почти спасены, а колхозницы без сна продолжили работу.

Едва отойдя от ужасов вчерашнего дня, они вереницей, на расстоянии метра друг от друга, двинулись за протоку. На этот раз бригадир предупредил:

– Работаем до обеда. Как только солнце начнёт припекать, возвращаемся домой.

Коров колхозницы спасли от голодной смерти. Сами, к удивлению бригадира, не заболели.

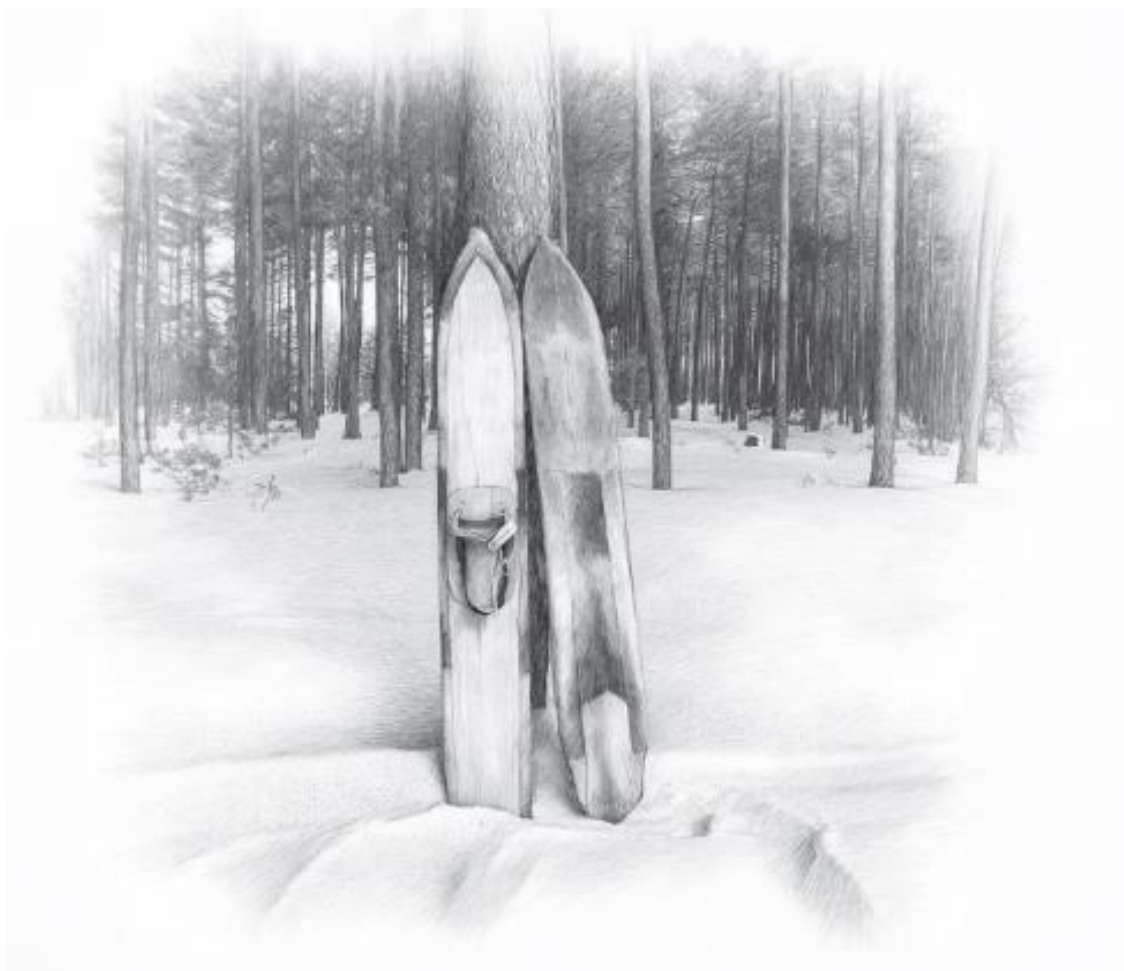
– Время трудное, война, – сказал Яйе, – спасти надо коров. А мы потом, после войны, отдохнём. Вашим мужьям на фронте ещё сложнее – они каждый день ходят под пулями.

И жёны, матери шли на самые тяжёлые работы.

– Пусть мы проваливаемся в снег, мёрзнем, – не страшно. Лишь бы наши родные вернулись с фронта живыми, – говорили они.

Посланнэ работала молча. «Мне и моим подружкам легче, – рассуждала она. – Детей нет, не просят есть, как у других. Одежду мама высушила, а мне оставалось после горячего чая нырнуть под тёплую ягушку. Я могу мёрзнуть, гореть в огне, работать без отдыха для фронта – лишь бы вернулся на родную землю самый для меня важный человек в этом мире. Я знаю, он вернётся! Мы встретимся!» – шептала девушка, как молитву.

Брата Посланнэ продолжала не замечать. С отцом тоже не разговаривала.

Глава 7

Возвращение

Юхур лечился в военном госпитале города Лысьвы Молотовской области (*ныне Пермский край*). Второго августа 1944 года его демобилизовали по ранению.

Из госпиталя вместе с земляком Марком он добирался до Омска.

Когда высадились из товарного поезда, Марк закричал:

– Юхур! Чуешь?.. Река! Чистой водой пахнет, не кровью!

– Да, да! Рыбой пахнет! Свежо как!

Товарищи заковыляли к воде: оба на костылях, а Марк ещё и с перебинтованной спиной. По нему, когда он бросал гранату, прошёл танк, но парень чудом остался жив, и даже позвоночник лишь слегка повреждён.

Бесчисленные невидимые частички воды щекотали ноздри, вызывая крупные слёзы у огрубевших, застывших от радости парней. Они нетерпеливо подставляли лица встречному ветру. Юхур широкой ладонью смахивал с заострившихся скул светлые капли.

Выбравшись на берег из-за многоэтажных домов, увидели голубые воды реки. Упав на колени, припали к ней губами – то ли пили, то ли целовали.

– Вуца ула... Здравствуй, кормилица! Какая же ты красивая, широкая, вольная... – шептал Юхур, касаясь губами прозрачных струй, стекавших с ладоней.

Руки солдата, за долгие три года привыкшие держать оружие, окунулись в сладостные объятия реки.

– Какое счастье! Какая сладость!

Вода утекала сквозь пальцы, не задерживаясь, торопясь, маня друзей на родину, туда, где их ждали матери, любимые, родные. Они пригоршнями набирали речную влагу и осторожно, с благоговением омывали тёмные, закопчённые лица, стирая кровь и порох войны.

Смоется ли кровь их друзей, которых они на своих плечах вытаскивали с гиблых полей сражений?..

С огромным трудом поднялся Юхур на ноги. Друг неуклюже помог ему.

В городе в ожидании парохода солдаты увидели в магазине муксуна – свежего, жирного. Он будто просил, чтобы его отведали. Рыба стоила дорого.

– Дорога дальняя, денег может не хватить на билеты.

«Осталось совсем недалеко, – решили парни. – Доберёмся до родных мест, а там любой рыбак муксуном угостит». И солдаты с надеждой двинулись к пристани.

– Домой едем, всего-то несколько дней – и наедемся этой рыбы вдоволь! Всласть!

Раздосадованные солдаты разломали на равные части буханку хлеба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.